

18+

Омар Суфи

Последний аккорд

Омар Суфи
Последний аккорд

«Издательские решения»

Суфи О.

Последний аккорд / О. Суфи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988651-4

Войны, революции, метаморфозы двадцатого века через призму истории одного города — все это вам расскажет... пианино фирмы «Рёниш». Сделанный в Германии музыкальный инструмент в тысяча девятьсот четвертом году начинает долгое путешествие в отдаленный уголок Российской империи — на Кавказ. Там он будет учить музыке детей аристократов, развлекать пьяных посетителей в ресторане, нести культуру рабочим в заводском клубе, служить музыкальному гению, и много чего еще ему предстоит пережить.

ISBN 978-5-44-988651-4

© Суфи О.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Последний аккорд

Омар Суфи

*Ты подходишь к старому пианино.
Ты набираешь простейший аккорд.
Ты понимаешь, что это красиво
Хоть с наружи пианино – урод.
Ты стоишь и слушаешь звуки струн,
Твои пальцы сами вспоминают ноты.
Ты вдруг раза два иль три моргнул,
И из глаз полились слёзы.
Слёзы радости, и горя, и любви,
Вы блистают на лакированной эмали.
Старое пианино, звукам твоим
Внимало тысяча людей ушами.
Ты прислушиваешься к музыке его
Вдалеке от городской толкотни и давки.
И смущало тебя лишь одно —
Что стоял ты на вонючей свалке.*

«Старое пианино», 2001 г.

Автор – ash.

Корректор Мария Устюжанина

 # На обложке картина Оксаны Золатаревой «Старое пианино»

© Омар Суфи, 2020

© Мария Устюжанина, корректор, 2020

© На обложке картина Оксаны Золатаревой «Старое пианино», 2020

ISBN 978-5-4498-8651-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Путешествие в Россию

Моя история начинается на заре двадцатого века. Меня создали в Лейпциге – культурном и музыкальном центре Германии, а можно даже сказать и всей Европы. Извините мой немецкий национализм. Я знаю, к чему позже он привел. Но, видите ли, объективно говоря, то, как меня создавали, дает все основания для бахвальства. Вообще как создаются в Германии вещи – это искусство. Достаточно простому обывателю вспомнить автомобиль «Мерседес». Впрочем, постараюсь воздержаться от возлияний по поводу моей родины.

Я сделан на всемирно известной фабрике по изготовлению фортепиано «Рёниш». Она была основана Карлом Рёнишем в 1845 году в Дрездене, столице Саксонии. Позже он перенес свою деятельность в Лейпциг. Еще бы – ему ни оставалось ничего другого как переехать в музыкальную столицу Германии. Столько положительных отзывов о его роялях и пианино! Да, нами восхищались в Австро-Венгрии, Франции и России. Нас трогали Ричард Штраус и Эдвард Григ, Джакомо Пуччини и Сергей Рахманинов, и многие многие другие.

Меня лично изготавливали несколько лет. Мою чугунную раму отливали лучшие мастера – кстати, это именно мой создатель Рёниш придумал чугунную раму для фортепиано. Да, моя деревянная начинка, конечно, уступает инструментам фирмы «Босендорф». Там настоящее дерево. Наша же деревяшка прессованная. Ну все равно, наше звучание ни хуже... Не думаете, что я завидую. Зависть – это человеческое. Хотя эволюционисты утверждают, что многие человеческие чувства имеют корни в животных порывах. Дарвиновские теории о борьбе за выживание. Короче о Дарвине потом...

Мастер Маркус Хундхаммер собирал мои последние детали. Другой мастер Ульф работал над моими струнами. Я и мои собратья – это произведение искусства. Поэтому наша фирма стала назначенным поставщиком в королевские дворы Саксонии (позже Германии), Швеции, Австро-Венгрии, Испании и России.

Так что, с момента изготовления я был благословлен – мои создатели были мастерами своего дела. Вот только про одно я могу и должен пожаловаться. Меня создали в качестве пианино, а не рояля. Мне с рождения было предназначено быть инструментом в частных домах и небольших клубах. Мне не было место в концертных залах – на моих клавишах не будут играть крупные симфонии; разве что отдельные фортепианные партитуры к ним.

А еще говорят, что Создатель породил всех равными. Не получается как-то. Вот кто-то рождается в семье короля, и становится потом тоже королем. Кто-то рождается в семье бедного башмачника, и у такого ребенка почти нет шансов стать в будущем королем. Хотя, впрочем, бывают разные случаи – вот, к примеру, Сталин. Но это редкие случаи. Также и со мной. Никаких равных стартовых возможностей.

Я – пианино. Инструмент хорошей фирмы «Рёниш». Но пианино, а не рояль. Впрочем, я не возражал бы быть пианино в богатых домах Лейпцига, Франкфурта, Вены, Парижа – можно и Праги. Да вообще-то неважно где. Главное, что бы ты нашел себе применение. На тебе играли, и ты получал удовольствие. Ну и приносил пользу окружающим...

А теперь перейдем к моим путешествиям по жизни – долгому, неожиданному и полному приключений.

Я и мои собратья были готовы к продаже в августе 1903 года. Я бы конечно предпочел остаться в Лейпциге – городе, где творили Бах, Шуман, Мендельсон и Вагнер.

Однако, судьба распорядилась иначе...

После завершения изготовления я и несколько моих собратьев были протестированы настройщиком Мартином Хансом. И прямо в тот день я услышал, что Мартин Ханс получил

предложение работать в России. «Рениши» поставлялись в Россию, притом, включительно, ко двору его Императорского Величества. Россией тогда правил последний российский царь Николай Второй. Так что там было немало моих собратьев; в Санкт-Петербурге был даже специализированный магазин нашей фирмы. Я и подумал, что Ханс едет туда работать.

Ему обещали большую зарплату, и он быстро согласился. У Мартина было четверо детей, так что, предложение пришлось кстати. Проверив нас, настроив как положено, Мартин Ханс похлопал меня по крышке и сказал: «В путь-дорогу собирайся, вместе будем путешествовать».

Через несколько дней три рояля и десять пианино, включая меня, были готовы к отправке в Россию. Ну что вам сказать? Конечно, на родине всегда лучше. Но люди и предметы из мира искусства всегда любят путешествовать по миру. Творческие люди черпают вдохновения от путешествий, а мы же – предметы, несем и распространяем определенную культуру по всему миру. Так, европейская музыка со своими инструментами оказалось в Японии, а оттуда пришла икебана, театр Кабуки и прочее.

Так что, я вполне смирился с тем, что мне придется покинуть Германию. Нет, я не был сильно расстроен. Я был горд тем, что я буду представлять саксонское производство и германскую культуру за границей. Более того, я даже был по-своему заинтригован путешествием в Россию. В одном был уверен, что я там не останусь без дела. Российское музыкальное искусство было всемирно известно. Мы все знали кто такой Чайковский и Рахманинов.

Да я знал, что это путешествие в один конец. Такие тяжелые инструменты как рояль и пианино обычно не перевозят из одной страны в другую. Значит, Россия должна была стать моей второй и вечной родиной до тех пор, пока время не разрушит меня.

Мы пролежали на складе еще пару месяцев. Уже в январе 1904 года нас погрузили на повозки и повезли на железнодорожную станцию. Большой пытящий паровоз встретил нас протяжным гудком. На станции было полно народу и мне сразу на душе стало легче, когда я увидел кучу других предметов, которые отправляли из Саксонии в разные концы света. В вагоне вместе с музыкальными инструментами везли мебель и ткацкие станки. Все товары в нашем вагоне предназначались для России.

Мы сперва пропутешествовали в Берлин, а потом оттуда направились к российской границе. На границе состав проверяли таможенники – мы там задержались несколько часов. Пару вагонов отцепили и оправили куда-то в другое место. Но с нашим было все в порядке.

Первым большим городом, через который наш вагон проехал, была Варшава. Я все продолжал радоваться. Хоть мы направлялись в сторону несколько иной цивилизации, чем моя родная саксонская, но было много схожего. Кроме того, связи России с Германией настолько многогранны, что невозможно не увидеть множество параллелей и влияние... немецкое, конечно. А вообще-то скажу, что недаром утверждают, что российское государство основали варяги – то бишь германские цари... Простите... Я знаю, что я опять увлекаюсь... Меня могут обвинить в пангерманизме. Но это слово потом стало нести такой тяжелый груз и оттенок. Но если вдуматься, то ничего в этой концепции плохого нет, если только его не преломлять через призму нацизма, как, увы, это сделали нацисты.

Я просто имею в виду, что германские народы создали высокоразвитые общества. Они оказали положительное влияние на многие окружающие народы в плане экономического и культурного развития. Возьмите финнов, славян – поляков и чехов, мадьяр, ну и русских. Здесь вопрос не только в том, что первые русские цари были варяги... Да, я знаю, вы будете спорить, что они не были варягами. Да бог с ними царями! И даже не в том, что после Екатерины в крови русских царей было больше немецкой крови, чем русской. Просто, сами русские приглашали много немецких ученых и мастеров в Россию, а мы там работали от души на благо Великой России. Просто немец не может делать что-то тяп-ляп... Все! На этом я прекращу свои возлияния по поводу своей родины и продолжу рассказ...

Еще раз простите. Музыка не имеет национальностей и границ. Просто пока мы ехали в вагоне, все эти мои собратья пианино, рояли и даже ткацкие станки то и дело говорили о Германии и её растущем влиянии. Так что волей-неволей я попал под это влияние.

В начале февраля мы, наконец, добрались до Санкт-Петербурга. Все вы, наверно, слышали, что этот город был построен по воли Петра I на болотах, и от того в столице царской России ужасно сыро. Русские известны своим упорством, иногда вопреки логике. То есть, говоря о столице, невозможно не задаться вопросом – земли, что ли, не хватало? Ну, понимаю, что размещение столицы на севере имело символическое и стратегическое значение для Петра, который претендовал на северные территории и воевал со шведами. Ладно, а потом? С упорством русские расширяли город, боролись с потопом. Впрочем, Санкт-Петербург как нельзя лучше характеризует дух русского народа. Это символ авторитаризма – царь указал, так и построили этот город – хоть у черта на рогах. Это символ бойцовского духа русских – борьба со стихией. Это символ богатой культуры – ведь это же музей под открытым небом. Ну, можно еще найти много другой символики в Санкт-Петербурге.

Видите, я уже стал проникаться патриотическим духом по отношению к моей второй родине. Но должен отметить, что одновременно я стал беспокоиться насчет своего пребывания в Санкт-Петербурге. Дело в том, что несколько дней мы пролежали в вагоне. Я так боялся, что мои струны и клавиши отсыреют. На дворе было минус 15 градусов – январь. Никто не мог понять, почему нас не разгружают. Россия...

Наконец, на пятый день двери вагона открылись. Вместо грузчиков, которых мы ожидали увидеть, были солдаты, которые, ругаясь матом, стали быстро разгружать все прямо в снег. Рядом был какой-то солидный мужик – кажется, представитель фирмы, который отвечал за перевозку и просил быть поаккуратней с музыкальными инструментами. Впрочем, его никто не слушал. Один из пианино, кстати, который находился рядом со мной (мы с ним так сдружились) уронили, и он буквально разбился на глазах. Я был до смерти напуган. Но благодаря этой жертве с другими вещами стали обращаться более осторожно. Выгрузили вагон быстро, и потом военные его отогнали куда-то. Мы остались еще несколько часов на лютом морозе. Я прямо чувствовал, как мои молоточки начинают сыреть.

Наконец появились повозки с гражданскими носильщиками. Мы ничего не понимали. И уже услышав разговор носильщиков, я понял, что началась война. Какой ужас! Самая смертельная вещь для искусства, для музыки и всего прочего, включая людей.

В феврале 1904 года началась русско-японская война и нам на «счастье» выпало прибыть в русский хаос как раз во время начало конца Российской империи. Тогда мы еще не знали, чем все это кончиться и когда. Не совсем я разбираюсь, из-за чего началась этой война. Войны в целом начинаются из-за территорий. Иногда из-за амбиций королей. Я только чуть выше упомянул икебану. Ну, видите, помянул – вот те на...

Как я понял, этот переполюх на вокзале был вызван войной – сперва нас никто не разгружал, а потом военным срочно понадобились вагоны и нас в спешке выбросили на открытый мороз. Хорошо, менеджеры «Рениша» были люди собранные и быстро организовали перевозку – ведь товар-то недешевый.

Нас доставили в хорошее складское помещение неподалеку от Академического переулка – я стал постепенно знакомиться с этой изумительно красивой и одновременно суровой столицей большой империи. Меня радовало, что я попал в такое место. О России в Европе говорили разное – были разговоры о медведях, плохих дорогах и тому подобное. Но увидев Санкт-Петербург – эту цивилизацию, я понял, что скучать тут не буду.

Мы все – рояли и пианино, начали успокаивать друг друга. Да, пришлось пережить несколько неприятных часов и даже потерю друга, но что делать. *C'est la vie!*... В России я

---

¹ Такова жизнь (фран.).

уже стал использовать французский, вместо того чтобы сказать «das ist...» Сразу скажу, что больших предубеждений у меня против французов нет. Они были лидерами континентальной Европе... до недавнего времени, когда мы отвоевали у них Эльзас и Лотарингию.² Они, конечно, готовят лучше всего, но так любят задираться своим французским – вином, сыром... Ну хватит об этом.

После того как мы разместились на складе, защищенным от лютых российских морозов и сырости петербургских улиц, для нас главное теперь было быстро найти себе применение. Мы надеялись, что в российской столице нас быстро купят. Ведь в такую даль обычно из Германии отправляли товар, если только были заказчики. Но к нашему большому удивлению нас никто не покупал и даже никто не навещал целую неделю.

Через неделю дверь в склад открылась и я – ба! – увидел Мартина Ханса. Сразу на душе стало весело. Его сопровождали еще двое – один восточной внешности, а другой типично славянской – он переводил Мартину на немецкий то, что говорил другой восточной внешности мужчина на ломаном русском.

Они стали говорить не о музыке, к нашему сожалению, а о начавшейся войне. «Я думаю, что сейчас не самое лучшее время перевозить товар на Кавказ. Железные дороги работают на военных. Так что даже не знаю, когда сможем перевезти все эти инструменты». Мартин Ханс отвечал: «Мое дело настраивать инструменты. Чем больше они будут лежать, тем больше они расстроятся. Их потом можно будет, конечно, настроить. Может лучше продать здесь в Санкт-Петербурге». «Нет, нет, – запричитал восточный человек. – Я обещал клиентам и притом „Рениш“. На Востоке никто не торопится. Так что немного подождем и потом отправим. Кроме того, одно пианино хотела дочь Елизаветпольского губернатора».

Этот разговор не на шутку встревожил меня, да и думаю другие инструменты тоже. Как я понял, нас собирались отвезти на Кавказ – это где-то на Востоке, как сказали эти люди. Что там мы будем делать?! В какую дыру нас везут? С другой стороны успокаивало то, что человек с восточной внешностью упомянул Елизаветпольскую губернию. Я не знал, где эта губерния, но звучит вполне по-европейски – Елизаветполь. Хотя просторы России велики – может это где-то в Азии?

Мартин Ханс и двое других людей удалились, оставив нас в тревожном неведении. Мы все стали бесперебойно говорить о том, что услышали. Многие соглашались, что нам суждено отправиться в черту на кулички. Правда, одно пианино отметило: «Куда бы нас ни отправили, мы должны быть горды. Мы несем высокую миссию по распространению культуры, притом европейской. Да и к тому же мы представляем нашу родину – великий Дойчланд³».

Да, конечно, он прав, но между нами говоря, хочется все же быть среди своих и, по крайней мере, в своей цивилизации. Черный рояль в углу пробубнил, что раз его тоже ведут туда, значит, там есть большие дома, может даже концертные залы. Там есть губернатор – так, что не пропадем, там есть европейская цивилизация.

Не знаю, не знаю, я лично настроился на Санкт-Петербург и все с нетерпением ожидал, что вот двери откроются и меня повезут в один из прекрасных домов, коими полон этот северный город. Я хотел звучать, излучать музыку, энергию. А вон тебе на... Сидишь на складе и ждешь когда же тебе заберут куда-то в тридевятое царство – *donnerwetter!*⁴

В таком томительном ожидании мы пролежали на складе еще пару месяцев. В апреле, когда весна в Санкт-Петербурге начала подавать первые признаки, нас наконец-то вытащили. На улице нас ожидали несколько повозок. Три пианино и два рояля погрузили на них – на этот раз аккуратно. Видать носильщики были профессионалы – может из музыкальных магазинов.

---

² Имеется в виду война 1870—71 года, когда Германия завоевала указанные территории в войне с Францией.

³ Германия (нем.).

⁴ Черт побори (нем.).

Было больно и обидно проделать такой огромный путь в столицу империи и покидать его, так и не увидев всех прелестей столичной жизни. Увидеть Лондон и умереть... Так называется книга одного писателя. Это детектив. Забегая вперед скажу, что я видел эту книгу у своего очередного хозяина восемьдесят лет спустя...

Мы опять были на вокзале. Ни одного знакомого лица... и ни одного веселого. Кажется, дела на войне шли не ахти хорошо. Впрочем, доступа к информации у меня не было. Одно дело, когда ты в квартире, а совсем другое, когда пылишься на складе.

Вы, наверно, почувствовали, что я был задет. Я – «Рёниш», проделавший такой путь из Саксонии в Россию, оказался несколько месяцев не востребован. Мои невеселые мысли были прерваны гудком подъезжающего паровоза. Мне удалось буквально на минутку переговорить с ним. Он приближался медленно на перрон, пыхтя черным густым паром и скрипя колесами. Он-то мне и сообщил, что на фронте нехорошо. На железных дорогах хаос. Так что, смотри, береги себя – таково было его напутствие. Впрочем, в нашем мире вещей, в отличие от людей, мы были полностью зависимы от наших владельцев. Для верующих, коим являюсь я, все зависело от Бога. Это люди имеют определенную долю свободу... или им так кажется, что они имеют свободу. Некоторые считают, что человек обладает определенной свободой, другие считают, что все от Бога. Не буду вдаваться уж в такие теологические тонкости.

Итак, мы начали далекое путешествие в Елизаветполь.

Глава вторая Елизаветполь

Успевшие сдружиться за время пребывания на складе мы – пианино и рояли, много говорили о России. Нас продержали под Москвой несколько дней. Потом неожиданно пришли и выгрузили прямо на открытый воздух, где мы пролежали несколько часов.

Вагоны вновь срочно понадобились военным. Прав был Руссо, сказавший, что Россия – колосс на глиняных ногах... Через несколько часов появился какой-то немец – очевидно, представитель фирмы «Рениш» в Москве и распорядился временно разместить нас в каком-то сарае, вблизи станции в Подмосковье.

Наконец через неделю нас заново погрузили на поезд, и мы направились на Кавказ. По направлению на юг климат становился теплее, светило солнышко, так что настроение тоже улучшалось. Черный рояль-оптимист сказал вообще, что лучше быть «Ренишем» где-то в провинции и блеснуть, чем затеряться среди «Петрофых», «Шимеллей», «Бехштейнов» и прочих в столичной суете. Мысль, конечно, интересная, и, по крайней мере, успокаивающая нас в данной ситуации. Что лучше – быть канцлером при дворе короля или наместником где-то в провинции?

Я все старался настроиться на оптимистический лад. Но были среди нас и те, кто постоянно жаловался на климат, на условия перевозки и прочее. А одно пианино вообще сказало: «Не знаю, что это все тащатся от России – ну да, Чайковский, Большой театр... Ну и что дальше? А знаете, что ходят слухи, что Чайковский любил молодых мальчиков...»

Я, конечно, слышал об этом. Ну вообще-то все гении немного того. Ну разве можно судить талант по его личной жизни?! Нет, я вступил в спор с этим пианино. Я понимал, что многим надоело изнурительное путешествие, частые остановки, простои и тому подобное. Ну от этого русская культура не становится хуже. Позже я убедился в этом, когда в моем присутствии читали Достоевского, Толстого. А в доме, где я находился в 1934 году, одна из женщин плакала, когда читала Есенина... Ее бедняжку потом уволокли в Сибирь – из-за Есенина, кстати. В этом парадокс России. Умом ее не понять... Только нотами... Душой...

Конечно, Россия – это не совсем Европа, а может сказать, что своеобразная Европа. Ну, ей совсем далеко до Германии и Австро-Венгрии. И в плане музыки... Стоит мне начать перечислять – Бах, Бетховен, Моцарт, Вагнер, Штраус... По-моему хватит. Объективно с ними мог соперничать только Чайковский. Ни Рахманинов, ни Глазунов, ни Римский-Корсаков, ни Мусоргский...

Вы, наверно, поняли, что в вагоне опять пошли разговоры о великом Дойчланде... И я волей-неволей попадал вновь под их влияние.

За три дня, с простоями и задержками на станциях и перемычках, мы добрались до того самого Кавказа, о котором говорили Мартин Ханс и другие люди на складе. К тому времени я уже имел некоторое представление об этом месте. Нам удалось переговорить на перемычке с одним из паровозов, перевозящих нефть.

Здесь жили грузины, армяне и турки, коих русские называли азербайджанскими татарами. Здесь было много войн из-за того, что народы нрава вспыльчивого. В Елизаветпольской губернии жили в основном мусульмане. Не шибко перспективно для пианино.

На Кавказе было два региональных центра – Тифлис и Баку. Тифлис был политическим центром Российской империи, где жил закавказский наместник. Не уступающий ему, но известный больше нефтью Баку был другим региональным центром. Замазанные мазутом цистерны сказали, что они постоянно перевозят нефть из Баку и окрестностей. По их же сведениям, Баку являлся центром нефтяной индустрии мира – почти половина мирового произ-

водства производилось там. Эта информация была многообещающей – уже тогда мы знали, что где нефть, там и деньги. И подтверждение этого лежало в нескольких других соседних вагонах, в которых везли европейскую мебель для продажи в Баку. Но, увы, наш пункт назначения был Елизаветполь. Один из вагонов сказал, что это неплохой городишка... Но, конечно, по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом это городишка – не город... Да уж...

Наконец, мы достигли Елизаветполя. Нас выгрузили аккуратно восточные нукеры и повезли на повозках в город. Меня сразу поразили высокие большие чинары, восклицаящие о восточном и многовековом величии. Было много домов с большими арками – в городе чувствовался определенный, хоть и восточный лоск. Однако при виде мечетей и минаретов мне стало немного грустно – что мне европейскому инструменту делать здесь. Но, одновременно, я знал, что здесь территория Российской империи – значит, есть и цивилизация... простите, без предрассудков к другим культурам... я хотел сказать, что здесь присутствует европейская культура. Не для красоты же меня ведут сюда.

Хотя я вам скажу, что мне еще в Лейпциге было известно о присутствии европейской музыки на Востоке. Когда я лежал на фабрике, Мартин Ханс разговаривал с одним из клерков и тот говорил, что несколько пианино уйдут в Стамбул. Он сказал, что при дворе султана иногда играют европейские марши, и даже один из султанов – Абдулазиз писал музыку на европейский лад. Ну о связях – не сердечных, конечно – Европы с турками знали все – стоит вспомнить известный «Турецкий марш» Моцарта... Ох прямо хотелось, чтобы кто-то наиграл его на мне! Только не думайте, что мои эти мысли об Оттоманах навеяны последующим союзом кайзера с султаном и совместной борьбой Германии, Австро-Венгрии и Оттоманской империи против англо-британо-русского альянса. Хотя, не буду исключать того факта, что где-то в закоулках души у любого человека есть эта вещь, называемая национализмом. А что же говорить о вещах – мы выражение какой-то определенной культуры и часто народа. Это сейчас всем кажется, что компьютер или «Кока-кола» представляют универсальную культуру. Ну об этом попозже, не буду забегать вперед.

Что касается о европейско-турецких контактах, то скажу, что вообще соприкосновение различных культур всегда способствовали взаимному обогащению... В 1918 году, когда турки вошли в Баку, я имел честь познакомиться с оркестровой трубой, принадлежавшей военному музыканту Оттоманской армии. Он то мне сказал, что еще в 1826 году в Стамбуле была создана Военная музыкальная школа на европейский манер. Еще в прошлом – девятнадцатом веке, турецкие султаны выписывали европейских композиторов, чтобы те писали им военные марши и прочее.

А теперь вернемся к Елизаветполю. Нас привезли в небольшой магазин музыкальных инструментов в центре города. В витрине стоял уже одно пианино – наверно для показа, а не продажи – так оно и оказалось. Внутри он был пустой. Очевидно, один из разбитых при перевозке пианино теперь служил для рекламных целей.

Какое же было мое удивление, когда в магазине я увидел на стене звезду Давида. Через несколько минут из-за задних дверей в магазине – ба! – то самый человек восточной внешности, которого я видел в Санкт-Петербурге. Еврей?! Их-то я знал – в Германии их было много. Но выглядели они все же по-другому. Меня, конечно, заинтересовало, что еврей делает в такой дали – да и откуда у него это внешность. Об этом попозже.

Меня не стали заводить на склад, а выставили прямо в холл магазина. По разговорам я понял, что кто-то должен прийти завтра и посмотреть на инструменты.

Итак, я провел первую ночь на Кавказе. На следующее утро, как только южное солнце настойчиво проникло в магазин, на душе стало весело. Через некоторое время появился какой-то человек славянской внешности – это был молодой настройщик по имени Сергей Васильевич – не знаю фамилии, да это не важно. Я с ним больше не встретился. Он-то приступил к работе надо мной и другими инструментами. Излишне говорить, что за время перевозок

и простоев на российском морозе мы успели расстроиться как надо. Так, что почти целый день Сергей Васильевич работал над нами.

Сразу скажу, что настройщик пианино – это такая важная фигура в нашей жизни. Этот человек должен быть влюблен в инструменты. Он должен чувствовать нас как опытный и умелый любовник чувствует каждое содрогание женщины. Увы, Сергей Васильевич таким мастерством не отличался. Я вспомнил пальцы и слух Мартина Ханса... Увы...

В общем мы были настроены, так сказать, для профформы. К вечеру в магазин заглянули величественные особы. Это был хорошо одетый мужчина в дорогом костюме с женой и дочкой.

Еврей – это был, очевидно, владелец магазина – и продавец кружились вокруг семьи. Мне эта семья сразу понравилась – чем богаче семья, тем больше шансов, что мне найдется хорошая работа – учить детей музыки, к примеру. В таких семьях всегда найдутся деньги на учителей. Семья была русской, и по поведению сразу угадывалось, что мужчина был при соответствующем положении.

Просмотрев несколько инструментов мужчина – я уже знал, как его величать – Игорь Яковлевич Драгунский остановил свой выбор на мне. Я был счастлив. Мои приключения в России оставались позади; фортуна улыбалась мне. «Ваше высочество, – запричитал владелец, – завтра утром инструмент будет доставлен в ваши апартаменты. Деньги можете потом переслать».

Итак, еще одна ночь и я окажусь в доме – у кого вы бы думали? «Ваше высочество» – это обращение к статским советникам – почти пятое по счету в российской табели о рангах. Так что, можете представить, кому я буду служить! Очевидно, господин Драгунский служил в кабинете у Елизаветпольского губернатора. Так оно и вышло... Я попрощался с другими инструментами и пожелал им удачи.

Игорь Яковлевич жил в прекрасном особняке, полным европейской мебели. Меня поставили в угол роскошной гостиницы, с красной драпировкой на стене. Широкие окна выходили на улицу, где росли могучие чинары.

Что нужно еще пианино? Только чтобы на нем играли.

Меня могли бы использовать в двух целях в таком доме – для учебы, если есть дети и для развлечения гостей. Может повезти, и я буду использован для обеих целей. Дочка статского советника была юной, так что, возможна, она училась игре на пианино.

Неделю я пролежал без дела. Вечерами семья собиралась на ужин, разговаривали о войне, о всякой всячине – ни слова о музыке. Я все приглядывался с надеждой на дочь, которую звали Ольгой. Во многих произведениях русских писателей есть загадочные портреты русских женщин. Я тоже пытался создать для себя такую из Ольги, с нетерпением ожидая, что ее нежные пальчики коснутся моих клавиш.

Я начал наводить справки – постепенно знакомился с предметами в гостиной. Лучше всего знает о семьях канделябры. Это при их тусклом освещении люди доверяют друг другу свои тайны, например, в спальне. Да и светские беседы ведутся обычно вечером при свете свечей. Так что канделябр – это был бы мой лучший путеводитель.

В гостиной было несколько канделябров – я их насчитал пять. Все они были российского производства, так что нам понадобилось немного время для знакомства. Ну, можете представить себе какой апломб у канделябров статского советника! Разговорившись с ними, я убедился в том, что они еще какого сорта – все из Петербурга. Драгунский был послан на Кавказ из столицы три года назад. Так, что большинство мебели и утвари было столичной заправки.

Впрочем, передо мной канделябры не стали ерехориться – я ведь был из Германии. Они охотно стали рассказывать мне много всячины – про историю города, про Драгунского и про Ольгу, на которую я возлагал большие надежды.

Город Елизаветполь, в которую меня занесла судьба из далекой Саксонии, являлся исторической столицей ряда средневековых государств. И Елизаветполью он был назван русскими,

которые завоевали эти места около века назад – до этого он назывался Гянджой. Мне, конечно, больше нравилось название «Елизаветполь», хотя, конечно, «Елизаветбург» звучал бы лучше.

Далее я поинтересовался хозяином магазина – евреем с восточной внешностью, который и затащил нас всех сюда. Его звали Исай Мордуханов – какой-то «горский еврей». Канделябры сообщили, что на Кавказе обитают особые евреи – горские. То ли эти евреи были каким-то коленом Израилева, занесенные в Персию и на Кавказ после разрушения Иерусалима и вавилонского пленения, то ли это были местные персы, принявшие иудаизм. Говорили они на диалекте персидского языка. Слышал я как-то в дороге про хазаров – тюркское племя, принявшее иудаизм десять веков назад – канделябры сообщили, что может это они и предки нынешних горских евреев.

Из всех этих исторических экскурсов я вывел одно – в плохом месте евреи жить не будут – и это радовало. С другой стороны канделябры сообщили, что их здесь не очень много, они в основном живут в Бакинской губернии.

Хозяйка дома имела какие-то кавказские корни – ее бабушка была из Грузии и возможно еврейкой. А Драгунский к евреям относился настороженно – даже не хотел у него покупать пианино. Вот только благодаря жене приобрел меня – она настояла.

Ну а теперь перейдем к моим надеждам – Ольге, Оле, Олечки, Оленьки... Увы, то, что канделябры сообщили мне, абсолютно не воодушевляло. Это юная особа была надменной – она все возмущалась и жаловалась периодически маменьки – зачем они из столицы переехали в эту «дыру». Однако папеньки боялась что-либо сказать – нрава он был строгого. Делу российской империи был предан с ног до головы, так что приказа начальства не обсуждал и был горд, что его направили сюда – на край империи защищать русское дело.

Он то и настаивал, чтобы Ольга выучилась немного играть на пианино. Он хотел, что бы доченька была всесторонне развита.

Услышав это, у меня появилась надежда. Любое пианино вам скажет, что дети, как правило, не любят учиться музыки, зато потом, когда вырастут, благодарят родителей. Сам Драгунский играл на гитаре и пел романсы...

Все! Я попал куда надо!

Однако прошло несколько дней, но Олечка не подходила к пианино, ну и не было какого-либо учителя музыки. Через неделю в гостиную вошел элегантный мужчина с книгами. Я загорелся – вон этот долгожданный учитель музыки!

Увы... Это был учитель французского. Мишель Бретон – надо это произносить так: Мишель, а потом: Б – (затем картавьте на «р») – е – т – тяните «о» и непонятно как попытайтесь одновременно озвучивать и не озвучивать «н». Вы мне скажите, почему у французов такое дурацкое правописание. Зачем вообще нужна куча букв, которые не произносятся. И вообще много сложностей в грамматике. Вон у нас у немцев все четко.

В общем, Ольга, вместо соприкосновения с прекрасным, учила неправильные глаголы французского языка, пыталась выговорить все эти мягкие согласные и кучу интонаций в гласных. Самое главное этот Брето-о-о... вцепился в произношение, вместо того, чтобы учить её грамматике и убраться по добру по здорову к себе в Пар-и-и... пить вино и есть сыр – не спорю у них это вкуснее, чем у нас. Что есть лучше, чем попивать вино с сыром и слушать Моцарта на пианино или Брамса. Это и есть дельное времяпровождение.

Глава третья

Русское дело, Ольга, уроки музыки и не только

Прошел месяц, я так и не почувствовал Ольгина нежные пальцы на моих клавишах. Зато раз на мне все же поиграли. Драгунский принимал гостей, было много вкусной еды на столе, было много разодетых гостей, и один из них подыграл Игорю Яковлевичу, когда тот спел несколько романсов. Наконец, впервые, кто-то (исключая настройщиков) поиграл на мне. О, я был счастлив! Я вибрировал и тянул, как мог...

Но самое интересное не это. Среди приглашенных был человек по имени Клаус – да его все величали Клаус Петерович. Но я сразу признал в нем немца. Он прекрасно говорил по-русски.

И вот тут-то я успокоился. Елизаветполь мне стал нравиться. Ничего, если не Ольга, то все же кто другой найдет мне применение.

Клаус Петерович был частым гостем Драгунского. К моему изумлению и великой радости недалеко от Елизаветполя было – чтобы вы подумали? – немецкое поселение Еленендорф. О, как я замечтал попасть туда!

Канделябры мне позже сообщили, что Еленендорф был основан при царе Александре Первом в двадцатых годах девятнадцатого века. Многие немцы здесь были из Швабии – гм... – несколько ниже уровнем, чем Саксония, но, излишне говорить, что мне было безумно приятно видеть своих в таком далеком месте. Клаус Петерофич поставлял вина многим русским государственным чиновникам и офицерам. В Еленендорфе было много виноградных полей, основанных крестьянами из Швабии.

Мне положительно стал нравиться Кавказ. По дороге много всякого рассказывали поезда и вагоны – о диких нравах кавказцев, о мусульманстве и прочим. Но под крылом Российской империи эти земли приобретали европейский лоск.

Драгунский говорил на этом вечере своим гостям: «Посмотрите, как изменились эти места за время правления Его Императорского Величества. Мы несем сюда цивилизацию». На замечание одного молодого служащего по имени Максим Береговой, что: «Здесь, кажись, цивилизация возникла давно. Стоит посмотреть на все эти церкви, мечети, крепости на Кавказе», Драгунский ответил:

– Я говорю об истинной цивилизации, – восклицал статский советник. – Вы, молодой человек, иногда позволяете себе либеральные идеи. Я знаю, тут пошли тенденции говорить о мировой культуре, о богатстве Востока. Богатство то я не отрицаю – но это все равно Восток. А у нас большая миссия нести истинную цивилизацию в эти края.

Молодой чиновник не унимался:

– Ваше высокородие, вы слышали о «la mission civilisatrice»⁵ французов? Или о «ноше белого человека» Киплинга? Кстати, вон глядишь, британцы свои руки на наши территории запустят.

– Про британцев потом. Мне интересно – вот вы против меня говорите. Вам что – не нравится, что мы здесь делаем? Вы служите его Императорскому Высочеству, не так ли?

– Помилуйте боже, ваше высокородие. Вы не возводите на меня напраслину. Я служу императору и нашему великому государству. Я просто по иному вижу нашу миссию. Мы тут многое не так делаем. Я это по своей душевной боли за общее дело...

– И что же вы, молодой человек, нам советуете? Сейчас пошла такая молодежь...

---

⁵ Цивилизаторская миссия (фран.).

Слушая этот разговор, я поймал взгляд Ольги. Сразу было ясно, что ей этот молодой человек нравился. Молодым особам нравятся дерзкие мужчины.

– Ну, нам надо более активно работать с мусульманами, – говаривал молодой человек.

– Это вы, наверно, начитались Величко. Он, конечно, был человек преданный русскому делу. Царство ему небесное. В прошлом году скончался то... Он где-то прав, но чересчур все воспринимал однобоко. Приобщить мусульман к нашей цивилизации нелегко. Нужно время. Вот идите и отдайте вон то пианино, которое я, кстати, недавно приобрел, в дом мусульманина. Он даже не будет знать, что с ним делать...

Мне эти слова Драгунского пришлось не по душе. Так что, хоть я и ранее говорил о высокой миссии нести цивилизацию массам, распространять европейскую культуру, но помилуйте, сударь (я уже стал разговаривать на русский манер), мне абсолютно не нравилась идея быть переданным в дом мусульманина. Что я там буду делать?

Конечно, меня никто не собирался продавать или передавать в дом мусульманина. Не для этого меня купил Драгунский. Но я задумался, а что вдруг... Хотя, опять же напомним, что мне говаривали, что в Стамбуле звучит европейская музыка при дворе турецкого султана и в некоторых элитных домах. Но тогда я не представлял свою жизнь среди мусульман.

Прошло еще несколько недель – наступила жаркое лето в Елизаветполе. Я стал привыкать к этому восточному городу, куда вкрапливалась европейская цивилизация. В доме у Драгунских было достаточно интересно – много гостей различных народностей – русские, в первую очередь, мои земляки немцы, армяне, грузины; были и местные турки – русские их называли «азербайджанские татары». Я помню двух представителей из местных – один был продавцом ковров; другой был из местных беков – типичный восточный аристократ, который сносно говорил на русском, но его сын был одет в европейскую одежду и проучился в Москве несколько лет.

Что касается моей Ольги, то она было увлечена этим типом, Максимом Береговым – кажется, не дворянином. Она говорила про него со своими подругами. Но, по-моему, этот либеральный тип совсем не отвечал взаимностью на Ольгины знаки внимания. Зато этот сын бека просто высухал по Ольге, впрочем, без какой-либо надежды – невозможно представить, чтобы мусульманин женился на дочери высокопоставленного русского чиновника.

В июле господин Драгунский уехал в Тифлис и перед отъездом сказал, что необходимо найти для Ольги учителя музыки. Приехал он через десять дней и сообщил, что на фронте ситуация плохая и в стране не совсем спокойно. Никаких новостей об учителе музыки. Я уже стал терять терпение, и прямо хотелось расстроиться так, что бы даже заводские мастера на «Ренише» не смогли меня настроить.

Даже простое «до-ре-ми-фа- соль» никто не играл на мне. Ну, пару раз сыграли русские романсы. Мне они сразу понравились, но излишне говорить, что русские романсы все же лучше звучат под аккомпанемент гитары. Я был бы не против поспециализироваться на романсах, но, увы, эти два-три случая не могли меня воодушевить. Большею частью я стоял невообразимый. Мне приходилось слушать французские излияния Бретона и звуки муэдзина, призывающих мусульман к молитве. Последнее мне нравилось гораздо больше. Слушая муэдзина, я успокаивался и понимал, что всему свое время – нужно только терпение.

Наконец в сентябре появился учитель музыки – это был достаточно бедный музыкант из Киева по имени Иван Колядный. Его нашла супруга Драгунского, но последний заподозрил, что тот еврей и не хотел его брать в дом. Так оно и оказалось – Колядный был евреем, но как он божился (не знаю какому богу – христианскому или еврейскому, хотя впрочем, согласно обоим монотеистическим верованиям бог один и один на всех), он был крещен. Как я потом узнал, после присоединения польских земель к России в конце восемнадцатого века много евреев попало под власть России и при царе Николае Первом многих евреев насильно крестили – наверно это был из тех.

Вот так началась моя полноценная жизнь в доме Драгунских. Иван Колядный стал учить Ольге сперва элементарные азы – клавиши, октавы и ноты. Потом они перешли на простые композиции – каноны, бурре, рондо, чуть позже полонезы, прелюдии и фугетты. Никто не задумывался, как удивителен процесс человеческого обучения? Кажется это таким естественным. Но я то знаю, как интересно ощущать на себе этот процесс – чувствовать как пальцы ученика или ученицы становятся увереннее и тверже, как звучание приобретает смысл и гармонию.

Наконец, я был счастлив. Был еще кое-кто, кто слушал первые удивительные нотки моей надменной Олечки. Да, это тот молодой сын бека. Он часто останавливался под окнами Драгунских и слушал Ольгина «до-ре-ми». Я даже задумался, что может стану свидетелем романтической любовной истории между христианкой и мусульманином. Здесь среди местных тюрков ходила на устах поэма об армянке Асли и тюрке Кериме. Однако дела приняли совершенно иной оборот – что у Ольги, что у армян с тюрками (но у них намного позже).

Сперва об Ольге – она все жаждала видеть Берегового, которого Драгунский перестал приглашать к себе домой. Она пару раз просила подруг передать ему письма, которые оставались без ответа. Но, сразу скажу, что она конечно совсем не усыхла по нему. Для нее это скорее было развлечение с примесью юношеского девичьего романтизма. Я сперва удивился, как Ольгина надменность позволила ей «стрелять» за тем, кто ей не отвечает взаимностью. Потом понял – именно эта надменность заставляла ее достичь цели, а потом отомстить. От всех этих душевных переживаний страдал я – Ольга теряла интерес к изучению музыки.

Где-то в октябре она однажды пришла домой злая как черт. Она в тот день открыла маменьки свою душу. На одном из приемов Береговой начал насмехаться над ней в присутствии ее подруг и более того, назвал ее отца старым полицейским, который не дает развиваться России. Вы знаете, что могут сделать женщины в отместку?

Слушайте. Через пару дней, будто нечаянно, супруга Драгунского проронила мужу, что Береговой говорил о необходимости реформ в России и сказал, что нынешний губернатор Елизаветпольской губернии никчемный человек. Через несколько дней его вышвырнули со службы. Он поспешил покинуть город, чтобы с ним не разделались похуже. Вот так. Я, впрочем, встретился с ним позже, уже при иных обстоятельствах.

Теперь вроде у молодого бекского отпрыска было больше шансов. Ему как-то удалось еще несколько раз попасть в дом Драгунских. Один раз, когда они остались на несколько минут наедине, молодой бек встал на колени и запричитал перед Ольгой, что он готов ради нее принять христианство, чтобы связаться с ней брачными узами. Ольге, конечно, все это нравилось – играть с этим молодым человеком. Она засмеялась и позже рассказала историю матери. Та же приняла это сообщение серьезно – на Кавказе были нередки случаи, когда девушек крали. Она поспешила поставить мужа об этом в известность.

Господин Драгунский только коротко ответил: «Не посмеет дочь статского советника украсть. Я их всю семью уничтожу». Но потом он вдруг изменился, когда услышал, что молодой бек готов принять христианство. Он отметил: «Для русского дела, однако, это было бы неплохо». Но на этот раз жена возразила: «Пусть для русского дела кто-то другой жертвует единственной дочерью. Да потом, эти мусульмане все равно у нас в руках». «Это может только на поверхности так», – возразил радетьель русского дела.

Никаких драматических событий не произошло. Господин Драгунский дал понять беку-отцу, чтобы тот умирил пыл своего сына – они, конечно, рады видеть молодого человека с московским образованием в своем доме, однако, не воспринимают некоторых чересчур назойливых знаков внимания в отношении своей дочери. Не знаю, что бек-старший сказал или сделал со своим сыном, но тот больше не появлялся ни то что в доме, но даже под окнами дома.

На улице оголились чинары – в Елизаветполе наступила осень. Ольга все еще пребывала в начальной стадии обучения. Своими нежными пальцами пыталась отшлифовать малое рондо – да уж прогресс небольшой, если хоть кто знаком с музыкальным обучением.

Учитель был крайне терпелив с нею, постоянно подбадривал и говорил кучу комплиментов. Я же стал мечтать попасть в дом кому-нибудь из немцев. Для меня так и осталось некоей мистикой поселение швабских немцев здесь на Кавказе. Единственной связью был Клаус Петерович. Он тоже заглядывал в дом к Драгунским. Хотя, должен отметить, что ни разу этот немец ни вел разговоров о музыке. Впрочем, к швабцам надо относиться с нисхождением. Это вам не Лейпциг. Так что, я потом даже стал сомневаться – если вдруг немцы заберут меня к себе в Еленендорф, найдется ли мне там применение среди этих виноделов?

В один из вечеров Драгунский пришел домой поздно, мрачный и одновременно возбужденный. Он сообщил: «Собирайтесь. Меня направляют в Баку. Там беспокойно, говорят, что рабочие нефтяных промыслов собираются восстать. Высокое начальство в Тифлисе считает, что Баку надо укреплять. Там много революционных элементов развелось. Я говорил, что этот либерализм добром не кончится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.